

АЛЕКСЕЙ СМИРНОВ

ЗАПИСКИ НЕВРОЛОГА

18+

ПРОЩАЙ, ПЕТЕНЬКА!

Алексей Константинович Смирнов
Записки невролога. Прощай,
Петенька! (сборник)
Серия «Звезда соцсети»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36967179

Записки невролога. Прощай, Петенька!: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-109618-2

Аннотация

«Записки невролога. Прощай, Петенька!» – это уникальный сборник курьезных и смешных историй. Вас ждут врачебные воспоминания и впечатления автора, действующего невролога, чьи рассказы уже отозвались в сердцах многих читателей. В сборник Смирнова Алексея вошли не только комичные случаи из врачебной практики, но также и авторские юмористические рассказы о медиках, пациентах и жизни, что порой настолько тяжела, что и смеяться и плакать хочется.

Содержание

Тени прошлого	6
Статус-кво	7
Страшная месть	8
Бремя прожитых лет	9
Ветер перемен	10
Где-то болит	12
Педики	13
За кулисами	15
Зной	16
Сансара	17
Фуэте	19
Попадание	20
Потаторы	21
Перед лицом общей беды	23
Ночное	24
В процессе славных дел	25
Истоки	27
Кросс-культурная пропасть	28
Визит дамы	29
Открытие	30
Эндомотор и всякое прочее	31
Садисты	33
Память, говори	34

Нет покоя	35
Щегол	36
Прощай, Петенька	37
Акушерский архив	38
1	39
2	40
3	41
4	42
5	43
Ледяной дом	44
В очереди	45
«Ежик»	47
Секрет для двоих	48
Фетишисты	49
Скрипач Груша	50
Невеста	52
Полставки	53
Отсос	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алексей Смирнов
Записки невролога.
Прощай, Петенька!

© Алексей Смирнов, текст

© ООО «Издательство АСТ»

Тени прошлого

Приснился кошмар. Я снова в больнице. Дорабатываю месяц и вдруг вспоминаю, что не смотрел график дежурств. То есть раза три уже прикрывали точно. И молчат. В зубах у сослуживцев накапливается цианистый калий, и ничего не исправить.

Там все замечали и помалкивали. Был однажды новогодний корпоратив – точнее, дружественный вечер, как нынче стали выражаться для удобства бухгалтерии. Я проснулся в общежитии с медсестрой под боком. Ничего не помню, что было. Скорее всего, ничего. Она стонала, но от сушняка во рту. Но вечер же был дружественный! Я решил с ней дружить. Подошел через пару дней, дружески поздоровался. А она мне: «Будьте очень осторожны, за нами внимательно смотрят!»

Я ходил и озирался. Все было тихо. Никто не смотрел. Но я знал, что смотрят. Часовой механизм включился. Чья-то рука уже зависла, чтобы вписать меня в летопись местной коммуналки. Я содрогался, воображая следующий этап, потому что не знал, в чем он выразится.

Статус-кво

Братан загремел в больницу.

С утра, сказал, ругалась старшая сестра:

– Да что же такое! Опять взломали ночью клизменную!

Как медом намазано!

Ничего не меняется.

Страшная месть

Ездил в диагностический центр.

Там было тихо и безлюдно. Возле двери расположился КПП с колхозной женщиной в белом. Ее работа сводилась ко сну.

Над ней висела инструкция, в которой меня поразил один пункт:

«Не вмешиваться в работу КПП, если она не нарушает законы РФ».

Но как?...

Немного позже я понял, что у привратницы существуют некоторые поводы к недовольству и несогласию, которые могут вылиться.

К ней пришла товарка, они разговорились. Товарка, насколько я понял, намеревалась прилечь на койку.

– Ни в коем случае! – сказала ей стражница. – Ни в коем случае! Я лежала на урологии – такое отношение! Два дня не кормили, я стала выступать, так эта сестра-хозяйка, Ольга, горбатая, пожаловалась на меня в проктологию...

Дальше я не слышал.

Чуть позже уже меня самого немного огорчила жестокая молодость медицины.

Время прожитых лет

В тот центр, о котором сказано выше, я привез маменьку – все в порядке, ничего страшного; наконец, ее вывел доктор лет тридцати. Маменька моя выглядит на свои годы. Семьдесят пять. Палочка, малая скорость, все дела.

– Принимайте свою девушку, – подмигнул мне доктор.

Я напрягся. Маменька поджала губы.

– Это мой сын, – произнесла она сдержанно. – А вы что подумали?

– Ничего, – быстро ответил доктор и выставил руки, защищаясь.

Я знал, что дела мои плохи, но не осознавал насколько.

Ветер перемен

Прокатился в загородную больничку. Ничего такого, все по плану.

Старые связи позволили проехаться на «Скорой» по Дороге Жизни. В комплекте с ландшафтом получились незабываемые впечатления для патриотического ума – гроб на колесах при особенностях местного асфальтирования. Но все равно спасибо.

Больничная реальность уже подзабыта, и я внимательно высматривал новое. Кое-что заметил. Не в пожилой, конечно, сестре, которая напоминала выражением лица Третью Собаку из сказки «Огниво» и несла узелок с двумя контейнерами: свеколка и котлетки. Зато молодые сестры удивили. Наверное, я слишком отдалился от областной реальности, но не припомню такого невероятного и повального расширения ниже талии.

На стене висели три фотографических пейзажа больничного микрорайона, вид сверху: день, ночь и сумерки. Красиво – не передать! Я бы туда эмигрировал или купил путевку, если бы получасом раньше не прогулялся по этому самому пятаку и не видел, какой это Пиздопропашинск.

Ну, и оборудования добавилось. Даже КТ. Но не МРТ. Постояльцы, однако, не изменились. Глядя на них, вспомнил старенькую соседку Марию Васильевну. Однажды она попа-

ла в больницу с инфарктом. Сбежала. Дома рассказывала: «Рядом женщина лежала, вся в проводах. Вот ее током и убило. И я, конечно, все провода-то с себя посрывала».

Где-то болит

Наткнулся в медицинском сообществе на новенький термин: «дорсопатия». Тетка пришла с радикулитом, и ей написали.

Да! Я гляжу, медицинская мысль у нас развивается.

Не буду скрывать, неврологом я был средним. Так себе. Ну, жалоб не было, да. Но и только. Мелких кожных веточек не знал, расположения глубоких мышц не помнил – мясо и мясо, положить на него электрическую лепешку, да впороть укол, а нутро само разберется.

Но диагноз «радикулит» был расхожим. Расплывчатость заканчивалась на термине, скажем, «люмбалгия» – боль в пояснице. Это довольно размытое понятие. Не отражает сути. Но тем не менее хоть поясница выделялась. Существовала в представлениях и диагностической мысли.

«Дорсопатия» – новое слово. В переводе это означает «что-то не так со спиной». А то и не со спиной, а просто «сзади». Так победим!

Что с этой теткой сделали, из-за чего был собственно пост в сообщество, рассказывать не стану.

Педики

В творческой поликлинике хорошо. Корнеплодов нет. Народу мало, люди культурные. Очередь состояла из пожилого дядечки. Он поздоровался со мной. Потом поздоровался с уборщицей, которая шла мимо. Она там, я видел, зовется «оператором уборки», и у нее есть «заказчик».

– Надо со всеми здороваться на всякий случай! – весело объяснил он.

Дядечка был словоохотлив.

– Никак не найду рентген, – пожаловался он, листая карточку. – Непостижимый почерк! Но друг друга они понимают...

– Позвольте мне, – предложил я и нашел ему рентген.

– Надо же! – просиял он. – Вот спасибо! Вы, наверное, врач.

– Было дело, – согласился я.

Беседа текла. Дядечка затрагивал самые разные темы. Потом потряс карточкой:

– Без этого рентгена меня не перевыберут в ученый совет!

– Да неужели?

– Представьте себе. В обязательном порядке. И в милицию погнали за бумагой, что мы не педики. Народу – битком!

– Что, простите?

– Ну, что не педики мы.

Я внимательно посмотрел на него. Он огорченно взмахнул руками:

– Что на учете не состоим, не педики!

– А разве уже состоят?

– Ну да! Что не убийцы мы, не привлекались, не судились...

– Так это не педики...

– Разве?..

Теперь удивился дядечка. Он приветливо смотрел на меня в очки, искренне желая разъяснить недопонимание.

За кулисами

Больница, субботний коридор. Благостное безмолвие.

Появляются три тертых доктора в больничной спецовке.

Козырная масть, бывалые волки. Один, который пониже и пожилистее, явный пахан, не меньше зава хирургией.

Идут к служебному выходу. Отмыкают дверь.

Сколь многое можно понять об океане по капле воды!

Ловлю две реплики:

– Затишье...

– Затишье не затишье, а деградация. Дебилы. Неврологи...

Зной

Во дворе лежит одинокое тело. Не понимаю. Не постигаю. Не знаю ни одного человека, кого бы сейчас не клинило от жары. Недели полторы назад сам был грешен, накатил под плохое настроение. Немного. Пару дней попил понемножку и перестал. Ну потому что невозможно же, реально было плохо.

Идем вчера с Половинкой от Финского залива. Пропускаем «Скорую», которая раздраженно катит в родную мою больницу.

– Вот, – объясняю. – Ребята сейчас обрадуются. Мы ненавидели лето. Вот вся эта срань под вечер хлынет в больницу, – показываю на переполненный пляж, такую же подъехавшую электричку, да целый автопарк вокруг. – Утонутия, переломанные шеи, перегрев, обожратушки, проломленные черепа, инфаркты с инсультами. А больница одна на всю округу, как зимой. Плюс дачники. Да, эти прячутся, как клещи. Их не сразу видно.

Сансара

Очутившись в кардиологии, маменька постигает необычную медицинскую реальность. Она хоть и доктор, но проработала всю жизнь в роддоме, и многое ей в диковину.

В коридоре – тучная особа, состояние ближе к тяжелому. Вопрос к окружающим один: скажите, ради Бога – жива ли мать Мустафы?

Она не досмотрела сериал.

В конурке, забранной прутьями, беснуется дедушка. Он вцепился в решетку, как узник совести. Дедушка одинок, он много пил, и у него отстегнулась мозговая кора. Я вечно путаюсь в терминологии. Сперва нас учили говорить «кора больших полушарий головного мозга». Потом велели иначе: «кора полушарий большого мозга». Не знаю, как принято сейчас. Короче говоря, у маленького дедушки накрылась пиздой большая кора больших полушарий большого мозга.

Он трясет клетку и призывает на помощь воображаемых родственников, объясняя, как к нему пройти, и жалуясь на двух стерв, которые его изловили. Стервы – две миниатюрные сестрички. Проходя мимо, они всякий раз отвечают на его вопли: пить надо меньше.

Если вы живете анахоретом и питаетесь настойкой боярышника, то вас ждет следующее. Сперва вы попадете в реанимацию, потом вас переведут в кардиологию, где случит-

ся примерно то, что написано выше. Вас подержат в клетке и отправят на дурку. Там вы пробудете ровно сутки и снова поедете в реанимацию. Оттуда – на отделение. И так далее. Эта сансара будет длиться до самой нирваны.

Фуэте

Забирал маменьку из больницы. Сидим в приемном, ждем такси.

Сзади:

– Пригласите нейрохирурга в Шелковый Зал!

Надо же.

Кадриль и полька, па-де-де, два шага налево.

Попадание

Из не вошедшего в хронику «Под крестом и полумесяцем».

– Патологоанатомы – это бывшие врачи, – уверенно сказала заведующая.

– И занимаются бывшими пациентами, – буркнул я, не отрываясь от писанины и привычный к ее глупостям.

Как она хохотала!

Потаторы

Известно ли обществу старинное медицинское слово «потатор»? Если нет, то напрасно. Я давеча наткнулся и вспомнил. Оно означает «пьянь», но не ту пьянь, которая пришла на прием пьяной, а ту, которая прибыла трезвой и на что-то претендует. В нашей поликлинике это непонятное для населения слово писали на картах, в правом верхнем углу, предупреждая коллег. С больничным сразу возникали проблемы. Там же писали еще «ЧДБ» – «часто, длительно болеющий»; то есть откровенная сволочь, но за руку не поймана. Иногда, на особенно пухлых картах, это сочеталось.

Бывало, что я прописывал это отдельным гадам просто от фонаря. Пришла скотина необозначенной, а ушла потатором и ЧДБ. За всякое зло приходится расплачиваться.

В том числе и мне.

Однажды я угостился до положения риз и стоял на Лиговке. Мимо проезжала «Скорая», она спасла меня от кое-кого похуже. «Смотри, какой гнутый», – заметил доктору фельдшер. Доктором оказался мой старый товарищ, однокурсник. Такое везение. Меня подхватили, отвезли домой, кое-как поставили перед дверью, позвонили и убежали.

Только этим дело не кончилось, потому что моего друга-доктора осенило. В дальнейшем, доказывая, что он не ездит просто так, а занимается делом, доктор заполнял на ме-

ня фальшивые сигнальные талоны: подобран, дескать, там-то в невменяемом состоянии. Убежал из машины, не дождав-шись больницы. Убежал из больницы, не дождавшись осмот-ра.

И пересылал уже в мою личную поликлинику, где это под-шивали в мою карту.

Хорошо, что она давно потерялась.

Перед лицом общей беды

Прокатился по делу в пригородную больничку.

На входе прицелился монетой в щель автомата с бахилами.

– Стойте! Не делайте этого!

Ко мне метнулась молодая женщина с точеным, слоновой кости лицом и гривой распущенных каштановых волос. Она собиралась выйти.

– Возьмите мои! Я почти не ходила!

Она говорила с пылом большим, чем если бы от меня зависела жизнь ее малютки, а сама она была готова на все. И даже без малютки готова.

Вот оно! Вот чего нет на Западе! Все там есть, а этого нет. Вот оно, истинное единение в условиях трудной жизни.

Потом я еще посмотрел объявление с вакансиями. Больнице нужны электрики, слесари, медсестры. «СРОЧНО – тракторист!»

Ночное

Темные ночные дела. Двор погрузился во мрак. Погасли огни в зубной поликлинике. Но вход освещен, и дверь распахнута. В вестибюле тоже светло.

Из тьмы выступает собака с палкой в зубах. Заходит внутрь. Дверь за ней закрывают. Час нетопыря, сатаны и тайной стоматологии.

В процессе славных дел

Если кто-то считает, что наука и техника идут на пользу нашей стране, то он жестоко ошибается. Это все равно что поставить факс в слабоумной есенинской избе, которая жует беззубой пастью набрякший хлебушек.

Хорошо ли доктору иметь в кабинете компьютер? Конечно!

На деле выходит так. Инвалид первой группы, перенесший инфаркт и две операции на тазобедренных суставах, не может записаться к кардиологу напрямую. Только через участкового терапевта. Ну и что сложного? Тот придет на дом и даст номерок.

Черта с два. Он должен сделать это через кабинетный компьютер!

А значит, инвалиду придется чесать к нему километр пешком, потому что до поликлиники не едет никакой транспорт.

На месте выясняется, что желательна кардиограмма, но на нее кончились номерки. Можно зайти через неделю. И лучше захватить с собой не только палку с сумкой, но и сменную обувь. В поликлинике нет бахил. «Они есть в аптеке, – сказали мне в гардеробе. – Но у нас и аптеки нет. Но люди все равно их где-то берут!» – добавили мне, поджав губы.

Ну, и я взял. Из помойки. Дал маменьке, потому что про-

блемы стали множиться головокружительно.

Докторов это тоже не радует. Намедни один доктор пожелал «вырвать матку» всему руководящему звену за такие порядки. Там была другая история, не стану уже вдаваться. Я ни секунды не сомневаюсь, что он имел в виду трансатлантического примата и наших распоясавшихся соседей.

Истоки

Говорят, что в столице уволят семь тысяч медиков.

Жду расцвета словесности! Изящной и не очень.

Я тут пытался ответить на старый вопрос о медиках в литературе, благо и сам отчасти такой. Мне кажется, что тема переворачивается вверх тормашками. У медиков, дескать, имеется уникальный опыт и знание какой-то там человеческой изнанки. Да, не без того. Но мне-то отлично известно, какая там открывается изнанка. Если на нее опираться, то не напишешь ни Гулливера, ни Ийона Тихого, ни Мастера с Маргаритой. Про нее бы одну и писали! Материала много, хватит на десять Игр Престолов.

Все совершенно наоборот: это литераторы первоначально идут в медицину. Ну, а чем им еще прокормиться? Литературой – крайне сомнительно. К машинам и точным наукам душа не лежит. К войне и торговле – тоже. Остаются дисциплины естественные, которые более или менее терпимы для творческой натуры. Нет, понятно, что найдутся и бизнесмены с полковниками – кем только потом не работают люди. Но если широко обобщить, то вроде правильно.

Да, забыл! Конечно, я желаю тем, кто этих медиков увольняет, обогатиться сложной гангреной репродуктивных органов и лечиться валерьянкой по рецепту.

Кросс-культурная пропасть

В зубоврачебном кресле вечно что-нибудь.

– Который зуб?

– Не знаю. Все болят.

После фотосессии:

– Ага, вот этот! А под ним еще зуб мудрости в кости, который вряд ли когда-нибудь прорежется.

Мне не очень понравились эти слова. И не по одной причине.

Я улегся и уставился на календарь. У зубного врача он обязательно есть. Этот был от строительной компании. Был нарисован кран, а под ним – далекие многоэтажки, вид сверху, стоявшие аккуратным полукругом. И надпись: «Недостаточно только желать, надо делать – И. Гете».

– Скажите, – спросил я, – вам никогда не казалось, что эти дома на самом деле зубы, а кран, соответственно...?

– Нет! Никогда! Это у вас да... такая, знаете ли, мысль!

Визит дамы

Вызвал я доктора из поликлиники. Сто лет этого не делал. Ну, понадобилось, не суть. Застелил койку, спрятал трусы, вытряхнул пепельницу.

Пришла робкая особа за тридцать. Я настроил водичку мыть руки, потянулся клешнями снимать пальто. А она стоит и неуверенно топчется.

– Мне куда?..

Переодеть пастушкой и ко мне в опочивальню! Ей-богу. Вошла, как была. У нас, между прочим, газовщик по лестнице ходит в бахилах. Дальнейшее уже неинтересно и далеко от эротики.

Открытие

Обсудил с доктором один лечебный спрей.

– Долго им пользоваться нельзя. В нем нашли гормоны.

– Так-таки и нашли?

– Да. Некоторые профессора считают, что они там есть.

Я склонился перед дерзостью науки, вскрывающей самые заповедные тайны природы.

Эндомотор и всякое прочее

В очередном походе к зубному случилось много драм. Даже рентгеновскую пластинку мне вогнали в пасть, будто железный лом. Рукой, толщиной с балку.

– Будем ли мы делать укол? – осведомился я.

– Нет! Там уже все умерло!

Кроме меня самого.

Докторша была сдобная, с добрым крестьянским лицом, домохозяйственного свойства, вполне уютная и участливая. В глазах у нее изредка сверкало сумасшествие.

Я взвыл очень быстро. За мои-то деньги.

– Скажите, – спросил я потом, – а велика ли разница между платной и бесплатной пломбировкой каналов?

– Конечно, она велика. Мы же обрабатываем их эндомотором, если платно!

Вникать дальше я не посмел. Наверное, этот эндомотор жрет очень много бензина, а электричества от него хватит на микрорайон.

– Пломбу сделаем платную?

– Да куда ж деваться.

Тон докторши стал заговорщицким.

– У меня есть за тысячу, – сообщила она негромко и доверительно. – Приходите в следующий четверг.

Я понял, что меня втягивают в какое-то нехорошее дело.

В регистратуре со мной долго возились.

– Ну долго там еще? – спросила огромная дама, стоявшая за мной.

Я медленно покосился на нее.

– Что за взгляд?

– Да так, посмотрел.

– Ну и как?

– Очень понравилось.

– Да вы шалун! Обманывать нельзя!

Сам знаю, но сильно захотелось.

Садисты

Вот еще одно воспоминание, которое можно применить к чему угодно на любой вкус.

Однажды, когда мы изучали психиатрию, нас повели в отделение посмотреть на больных. А то все была сплошная теория.

Идем мы толпой. Останавливаемся, заглядываем в палаты. Они, как водится, без дверей. Нам скоренько объясняют, кто там сидит и за что.

На первый взгляд, люди как люди. Довольно чистенько все, никаких пижам. Две накрашенные девицы расхаживали в домашних халатах и бигудях. Они повернулись к нам.

– Издеваются, – с ненавистью процедила одна.

Память, говори

Задача для среднего возраста: в зубном кабинете работают две докторши. Я уселся к своей, но тут подошла вторая. С кривой улыбкой. Узнала меня. Общие знакомые. Похоже, пили мы с ней. В остальном и вовсе не уверен.

Вопрос: вспомнил ли я? Ответ отрицательный. Дружно поахали, пожалели о молодости.

Потом первая поставила мне пломбу.

– Вам все равно куда платить, мне или в кассу?

– Помилуйте! – Я начал извлекать бумажки, как фокусник.

– Тише, осторожнее!

– Да разве здесь кто-то не знает?

– Знают! Но у нас камера стоит. А, ладно! Вон она. Досюда все равно не достанет!

У меня остался еще один нехороший зуб.

Докторша покосилась на мою старую, как выяснилось, знакомую.

– Ну что, ко мне запишетесь? Или... к ней?..

И голос ее дрогнул.

Нет покоя

Решил вздремнуть. Разбудил меня звонок товарища-доктора.

Лежит у него человек. Собака веко откусила. На Фалька похож. Коломбо.

Доктор не стал спрашивать, хочу ли я этого, и поднес телефон к пациенту.

В ухо мне крикнули:

– Блядь! Не мешайте работать!

Белочка у него, да. Привязан.

Щегол

Правильно я ушел из всякого коллектива. Одной докторше подарили щегла. И брошюрку к нему. Кого-то осенило. Мало того что надо делать ему ножные ванны, так еще и промывать ежедневно клоаку.

Подарок не отдарок, но докторша нарушила это правило. Ей этого и без щегла хватает. Гинеколог она.

Прощай, Петенька

Медицинский эпизод, которым давеча поделился мой отчим. Для простоты будем именовать последнего просто доктором.

Давным-давно доктор работал на «Скорой помощи». В области. В Тихвине, что ли, или рядом.

И вот приехал он к мужичку. Ну, все нормально. То есть доктор все сделал правильно, хорошо. Посидели они – в хорошем смысле, побеседовали. Обстановка спокойная.

А через пару дней доктор снова ехал мимо. Никто его не звал, но он был молодой, горячий и правильный. Надо бы, думает, заглянуть к мужичку. Как выражаются в медицине, активно посетить.

Открывает доктору бабулька. Доктор: здравствуйте, а где мужичок?

– А уж лежит, лежит он. Проходите, доктор, проходите.

Мужичок лежал. В гробу. Бабулька:

– Петенька, вот доктор к тебе приехал, проститься.

Бабулька не знала сарказма. Мир для нее был полон естественной гармонии.

Акушерский архив

Маменьку мою, она у меня акушер-гинеколог, редко пробивает на профессиональные воспоминания. Но вот пробил. Так что давайте за медицину.

1

Роды. Пуповина перерезана, с временным набросом на живот, в пережатом виде. Пусть полежит, пока там с урожаем возьмется.

Вопли:

– Кишку! Кишку выдернули...

2

Он и она. Безопасный секс. Такой ли уж безопасный? Презерватив остается внутри! Что теперь делать?..

Паника. Вызвана «Скорая».

Это полбеда, но «Скорая» не промах – везет обоих с этим делом в больницу. Приговаривая после в приемном: двести рублей! двести рублей с них возьмите!..

Молодые согласны на все, лишь бы спастись.

3

В палате, клиентка:

– Скажите, а вот ребенок – он внутри матки находится или снаружи?

4

Старая-старая история.

Горный институт. Студентка, не чуя беды, заходит в сортир, а там – уборщица. Студентка вешает сумочку на гвоздик, снаружи. Выходит – а стипендии-то в сумочке и нет. Уборщицу под белы руки, плюс юный милиционер откуда-то взялся – и строим в больницу.

Маменька добыла из уборщицы пригоршню окровавленных трехрублевков. Ну, критические были дни. Уборщица и ухом не повела, типа дело житейское и божья роса.

Маменьке потом устроили разнос: не имела права, юридический случай, протокол не соблюден, беззаконие.

Она потом долго не могла на трешки смотреть.

5

Гинекологической пациентке назначены свечи. Засовывать в задний проход.

Свечи принимаются так: пациентка идет в сортир и справляет нужду. Сверху бросает в унитаз свечку.

Это, по ее смутному предположению, задний проход и есть, а если не он, то ничего страшного, ибо наверняка имеет какое-то отношение.

Ледяной дом

Скорбная картина из окна: стоматологи борются со снегом.

Это у нас во дворе такая маленькая зубная поликлиника, в три этажа, причем третий – надстроенный, в виде мансарды, с выходом окон на крышу. И вот из одного окошка неуверенно высовывается швабра и пихает снег. Одиноко.

Ей, как умеет, помогает ведро с кипятком из соседнего окна. Снег обливают, но он только улыбается. Дырки, в нем образующиеся, попросту оскорбительны.

Я бы подогнал к окнам кресла и попросил пациентов сплевывать.

В очереди

Пошел лечить зуб.

Все было тихо и мирно. Я сидел в коридорчике, читал философскую книжку и слушал интересные разговоры. Старая бабушка домашнего изготовления, в брюках уютного дизайна, беседовала с регистратурой. Рассказывала о коврике, который она купила коту. Потом замолчала минут на двадцать.

Я думал, она ушла.

Но вдруг она, для всех неожиданно, затрубила на весь коридор:

– Ой, как долго! Ой, спать хочу! Открой рот, я вскочу!..

В зуболечебном контексте ее намерение звучало зловеще.

– Я не вам, не вам! – Бабушка, перехватив мой взгляд, округлила глаза.

...Дальше я сидел и прислушивался к производственному шуму. Мне пришло в голову вот что: а почему бы людям не заняться художественной резьбой по зубам? По дереву есть, и по льду есть, и по кости, а по зубам – нет. Можно было бы точить фигурки и башенки, соревноваться и побеждать.

Меня вызвали, когда я дошел в фантазиях до пирсинга мягкого неба и надгортанника.

В кабинете мое творческое умонаклонение сошло на нет, и я сразу уменьшился в размерах. Во рту моем нашли много печального, как будто бабушка все-таки впрыгнула туда и

сплясала цыганским медведем.

«Ежик»

Наркоман лежал и выкрикивал Олю. Медсестру.

– Оля! Оля! – призывал он.

Явился доктор.

– Зачем тебе Оля?

– Ежика поставить.

Доктор принял меры, успокоил человека. Дальше тот лежал тихо и пускал слюни.

Потом доктор все же спросил насчет ежика.

Выяснилось, что наркоман хотел капельницу с дексаметазоном. От нее легче. Дексаметазон это и есть «ежик». Так его называют областные пациенты. Потом от него шерсть на мошонке встает дыбом, побочный эффект.

Секрет для двоих

Медицинский этюд.

Родильное отделение. Дама. Рожает. Схватки у нее.

Доктор подходит с трубочкой послушать, как там поживает плод. Тянет носом и ощущает кружение головы, улавливает запах не то что обычного табака, а какой-то, скажем откровенно, махры.

– Вы что, курили, что ли?

Дама воровато оглядывается, подносит палец к губам:

– Тсс!..

Фетишисты

Мой врачебный отчим хорошо излагает. Пропала у него кепка. Поставил на уши сестер в своей больничке:

– Спиздили, суки! Фетишисты, что ли?

Сестры – известные мыслители.

– А что это такое?..

– Предметы мои разные хотите...

С оторопью, с просыпающимся вещевым интересом:

– А чево?..

Между прочим, кепку эту взял я, приняв за свою, и ходил в ней.

Скрипач Груша

Распахиваю дверь на улицу, а мне навстречу спешит медсестра, с подносыком под белой салфеткой: не закрывайте, дескать, спасибо. Укол.

И машина стоит простенькая, с красным крестиком.

Откровенно говоря, я удивился. Почему-то я думал, что на дому никто уже никому ничего не колет, кроме бизнес-ланча. Не те времена, но вот ошибся.

Давным-давно меня, мне кажется, недолюбливали в коллективе за эту мою привычку: прописывать домашние уколы. А мне было наплевать, что кто-то поедет и кто-то повезет, расходуя топливо. Константиныч в моем лице, вообще говоря, славился некоторой свирепостью лечения, опиравшейся на обстоятельность. Если кто посетил Константиныча, то пропал. Константиныч, вызывая почтение в среде обитания, выписывал три-четыре наименования уколов – никотиночку по схеме, витаминки через день – на три недели, выходит; еще один, коварный и больной; еще он выписывал таблеточки, тоже три-четыре, да физиотерапию, плюс снимок и бонус: особую мазь, прописью, в аптеке изготавливаемую пестиком, так что посетители мои забирались на стену.

Помню, приходил ко мне старичок. Участник и все такое. Старичок был опасный, в перспективе и в случае чего. Такие пишут длинные жалобы за подписью совета ветеранов. Я

симпатизировал старичку, он мне напоминал моего дедушку, но больше – Скрипача Грушу, потому что голова у него была совершенно как груша, и вдобавок того же цвета, то есть сильно спелого. Старичок носил подтяжки, так что послевоенные штаны доходили ему до груди. У него болела поясница. Я разбирался с ней дней за пять. Груша поджимал губы, качал головой и с серьезнейшим видом, лаконично, именовал это высочайшим профессионализмом. С особенной пожилой весомостью, так хвалят грузовик или автомат Калашникова.

Я-то знал, что высокий профессионализм не у меня, а у аппарата электролечения, а я не особенно представлял, как устроена поясница Груши, потому что это было ни к чему. Если я накрывал заботой, то все, что могло пройти, проходило, а что не могло, на то и суда нет.

Я пытался застенчиво возразить – мол, что вы, право, но в этом пункте Груша начинал свирепеть, и призрак жалобы от регионального общества пенсионеров нарисовывался отчетливо, так что я отбрасывал скромность и вел себя на манер полкового врача.

Между прочим, ко мне заходил не только Груша, но и другие сказочные персонажи; бывал Помидор, было много Тыкв, графини Вишни наведывались. Я им сочувствовал по мере опущенных внутренних резервов.

Они исправно несли мне разные бутылки, чтобы доктор был человек, как все.

Невеста

Медицина – она навсегда, конечно, дело известное.

Дачная хозяйка повела меня на соседний участок, оценить парализованного дедушку.

В огороде на раскладушке кто-то лежал.

– Гляди, Лешка! – засмеялась хозяйка. – Какие тут у нас невесты пропадают! Прямо лежат! Только налетай!..

С раскладушки приподняло голову нечто свекольно-кормовое, распаренное и напоминающее медузу; оно внимательно посмотрело на меня одним глазом из-под панамы.

– Я запомню, – пробормотал я.

Мы вошли в прохладные сени, и я переместился в знакомую атмосферу недавнего инсульта. Соблазны непостоянны, зато изнанка стабильна.

Полставки

Мой родитель – матерый невропатолог и консультирует загородную больницу.

И ушел в отпуск.

Беседую с моим приятелем-информатором оттуда. Тот жалуется:

– Плохо без него... Ходит вместо него одна бабушка...

Она не дальше десяти сантиметров видит...

– Небось отменно оценивает зрачки.

– Ну да... Не, серьезно... Она из поликлиники... Ну, клиенты-то довольны... Они входят в дверь, она выскакивает из-за стола навстречу, подходит вплотную. Они-то думают, что это она их приветствует. А она их не видит... Хотя какая она бабушка... Мы думали, ей лет восемьдесят... А это алкоголизм... Ей слегка за пятьдесят...

Отсос

Понадобилось мне выяснить для одного дела, какое в реанимации оборудование. Я ведь там не был давным-давно – черт его знает, какая там стоит аппаратура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.